

Вся книга сохранилась очень хорошо, но при мнѣ уже не было (въ 1872 году) изображенія евангелиста Іоанна, что весьма жаль, такъ какъ эти изображенія составляютъ замѣчательные памятники стараго искусства чертить отъ руки.

Въ начертаніи буквъ есть нѣкоторыя особенности: буква *у* имѣетъ фигуру латинскаго *U*, а буква *о* изображена двумя вертикальными черточками, сверху и снизу тоже подчеркнутыми горизонтальными линиями.

Есть пропуски въ текстѣ, но они вынесены на поляхъ.

Переплетъ евангелія, бархатный, поистерся, а серебряныя налічія на передней доскѣ, подложенныя деревомъ, стали прорываться.

Сообщ. С. Миропольскій.

Причитанья или заплачки по умершимъ.

Причитанья народа—это плачевныя нѣсни по умершимъ, составленныя имъ самимъ. Естественно плакать по умершемъ близкомъ человѣкѣ. Потеря близкаго человѣка, вѣчная разлука съ нимъ, любовь къ нему, тоска и безвыходность положенія отъ потери его — вотъ побужденія, заставляющія плакать по умершимъ. Плачъ бываетъ иногда тихій, безмолвный и безъ словъ, а иногда при плачѣ льются слова также обильно, какъ и самыя слезы. Тогда и выливается изъ души скорбящаго человѣка цѣлая нѣсня плачевная, конечно—не у всякаго. Содержаніемъ ея служатъ любовь и тоска по умершимъ. Самый тонъ причитаній и напѣвъ раздраетъ душу. Невольно вынадетъ слеза, когда, проходя по деревенскому кладбищу, услышишь мать, причитающую надъ могилкою сына. Въ бытность мою, въ прошлое лѣто, въ Воезерскомъ приходѣ, мнѣ удалось записать со словъ мѣстной причитальницы нѣсколько причитаній, которыя и помѣщаются дальше.—Причитаютъ, или, по мѣстному выраженію, *стихи водятъ*, и въ домѣ тотчасъ послѣ смерти какого-нибудь лица, и на могилкахъ въ номинальные церковныя дни. Это исполняютъ только женщины. Въ

Воезерскомъ и сосѣднемъ Мошняскомъ приходѣхъ есть нѣсколько женщинъ, пользующихся славой хорошихъ причитальницъ.

I. По отцѣ.

На своей родимой на сторонукѣ
Сквозь туманъ да пекеть красно солнышко;
Заунывъ стопть высока горенка;
Призаплакались окошечка косящаты;
Подломилась да новы сѣни рѣшетчаты;
Разсыпалась частоступчатая лѣсенка;
Закатилось да схоже—красное солнышко.
Не дивите-ко, люди добрые,
Да сусѣди порядовные,
На мои стпки, причеты не умильные!
Вѣдь, не пекеть два схожія солнышка,
Не живетъ *) да два родителя батюшка!
Одна моя стѣна, ограда бѣлокаменная,
Одинъ да доброхоть—родитель батюшка.
И всего того тошнѣ да обиднѣ,
Что не была у своего родителя у батюшка
Какъ при той порѣ, да времячкѣ,
Какъ разставалась душа съ бѣлымъ тѣломъ,
Выкатилось зрѣнье и смотрѣньице
Изъ бѣлыхъ ясныхъ очей!
Это что это за чудо за чудное!
Раньше было, какъ на собраньи людей добрыхъ,
Онъ имѣлъ совѣтъ съ господами, кунцами и боярами.
Теперь же что посеть гнѣвъ сердце великое?
—Наѣхали гости къ нему въ бѣлую палату:
Онъ прежде встрѣчалъ ихъ и честь давалъ.
Теперь, ужъ видно, гости пріѣхали
Не по уму ему, да не по разуму.
Пойдите, дочерь—бѣлые голубушки,
Побужайте да родителя батюшка!
Что же, доброхоть да родитель батюшка,
Одолѣя тебя крѣпки сны да забудуцие?

*) Не бываетъ.

Это мало живетъ да водится,
Что заговорить покойный словечко единое.
Подавай да листъ бумажку гербовую
Ему да во правую рученку!
Напиши, да добрый батюшко,
Свое рукописаньще,
Своей да доброй матушкѣ чѣмъ воспитатися
При старости лѣтъ, да и при дрянности.

II. По матери.

Убралась родима матушка.
Осталось двѣ дочери голубушки—
Холодны, и голодны.
Остались онѣ отъ родимой матушки,
Малешеньки онѣ и глупешеньки,
Не во полное въ дѣвчьемъ возрастѣ.
Какъ я сяду ко своей матушкѣ,
Сяду я ко сердечку ретивому;
Положу я свои бѣлы бумажны рученьки
Ко ея сердечку ретивому.
И убьюсь я слезами горькими и горегорькими.
Тамъ учули сосѣди порядовные,
Учули и братья да жалостливые
И пришла къ намъ въ тепловитое гнѣздышко.
Мы бужаемъ свою кормилицу матушку.
Но отпихиваютъ насъ прочь отъ свой да родимой матушки
Свои да сосѣди порядовные.
И захвачу за шейку свою родитель матушку,
Принаду къ ея устамъ да сахарнымъ.
Но одолѣли ее крѣпки сны да забудущіе;
Застыли ея бѣлыя рученьки.
Я отогрѣю ея бѣлыя рученьки,
Какъ положу ихъ во свою-ли да во теплую назуху.
Не отогрѣть-то ихъ да и не оттаятъ!
Выпали ручки изъ теплыя назушки
У своей да у кормилицы матушки.
Мы червочкой вокругъ ея да увиваемся,

Косатой ласточкой вокруг ея да извиваемся.
— На кого ты держишь крѣпку надѣю великую,
Что покинула ты малыхъ дѣточекъ?
Отъ кого-то мы станемъ глядѣть доброты да ласкость великія,

Мы-то малыя дѣточки?
Мы находимся по міру—народу крещеному,
Насобираемъ кусочковъ поданныхъ.

III. По дочери.

Была у мени милая дочушка.
Я держала крѣпку надѣю *) великую.
Я срядила ея и обрядила
Во хорошее платье цвѣтное.
Немного она походила и поносила.
Не находилась, да не наносилась:
Спросилъ истинный Христось да Царь Небесный.
Ходила моя милая дочушка
Со кумами ходила, да со подругами,
Со сусѣдками порядовными.
И встануть въ Воскресенье Христова,
Пойдутъ ко ранней ко утренней ко заутрени,
Пойдутъ ея подружки возлюбленныя.
И я выйду, горегорькая кукушка,
Поглядѣть на ея подружекъ.
Нейдетъ да моя дочь бѣлая
Со свонма да со кумами и со подругами.
Какъ я ворочусь да кручинная бѣдная,
Да соберу ея платье цвѣтное.
И сряжу и обряжу, какъ дочь свою.
Придетъ ко миѣ сынъ и скажетъ:
„Вѣдь, это мало живеть и водится,
Что мертвый съ погосту воротится“.
Тошнешенько сердечку ретивому,
Нету въ живности дочери голубушки.
Думщица моя была да собесѣдница

*) Надежду.

Была тайная моя да разговорчица.
Не дивите-ко народъ да люди добрые:
Миѣ тошнеменько сердечку ретивому.
Какъ собралась ко миѣ ея подружки
Да возлюбленные,
И молилась имъ: „вы, мои кумы да и подруженьки,
Не увидите-ли моей дочери бѣлой голубушки
На гульбищахъ и на игрищахъ;
Увидите се и приведите ко миѣ“.

IV. По отцѣ.

(Привѣтанье дочери, оставшейся съ мачихой.)

По тиху, по позду по вечеру
Была на милой на сторонущкѣ,
У своего да у родителя батюшка.
Сидѣла я на мягкихъ, пуховыхъ перинушкахъ
И просила крѣпкаго благословеньца.
Какъ я стала по утру ранешенько,—
Пришла не радостная вѣсточка,
Не радостная вѣсточка, не веселая:
„Нѣтъ во живности родителя батюшка“.
По малешеньку иду, да потихоненьку
На свою на родиму на сторонущку.
Не гнутся подо мной ножки рѣзвыя,
Не глядятъ мои очи ясныя;
Не вздымаются мои ручки бѣлыя.
Приунывъ стоить высока горница;
Позаплакались окошка косящаты;
Приразсыналась частоступчатая лѣсенка.
Взошла я во сѣни во новые,
Призаплакались стѣнки сосновыя.
Оглядѣлася на народъ да на крещенный:
Погляжу я по новой высокой горницѣ,
Гдѣ-ка доброты мой родитель батюшка?
Онъ сряжешъ лежить, обряженъ
Въ умирально платьѣ цвѣтное.
И я сѣла тутъ къ родителю батюшкѣ
Подъ правос крылышко.

Стала бужать да родителя батюшка:
„Доброхоть да родитель батюшка!
Наказаль-ли ты молодой женѣ,
Моей-ли чужеспальчивой матихѣ!
Наказаль-ли приучать *) меня на свою родимую сторонушку,
Во свое да тепловитое гнѣздышко?“
Какъ станеть приучать меня кормилица матушка
На свою родимую сторонушку,
Не заростеть путь дорожка широкая
На милую сторонушку.—
Есть и милая сестрица родимая
У насъ съ ней дума совѣтъ да соединяла.
Не стала приучать меня родимая матушка
На свою родимую на сторону.
И заросла путь дороженька
Мелкимъ ельничкомъ и березничкомъ
И частымъ орѣшничкомъ.
Какъ въ веснѣ, но веснѣ красной
Что-то мнѣ почуялось, да послышалось.
Что во темномъ лѣсу да во березничкѣ,
Во березничкѣ да во орѣшничкѣ:
Тамъ кукуеть горегорькая кукушечка.
Тамъ тоскуеть моя милая сестрица и горюеть.
Тамъ, видно, стошнилось ей по родимомъ родителѣ;
Видно, не издачна **) да чужая сторонушка
Не похвальна неволя великая.

(Записано со словъ крест. Дригилной.)

Учитель Петрозавод. духовнаго училища *Левъ Малиновскій.*

*) Принимать.

**) Не гостеприимна.